

Жаба поднял нас ни свет, ни заря — в одиннадцать часов утра. Мы как раз накануне отыграли концерт на корпоративе и, судя по ромам друзей, больше похожих на жёваную промокашку, детали сего мероприятия в их патлатых головах не отложились. Жаба — Степан Михалыч, продюсер, получивший подпольную кличку за жуткое жлобство и одутловатую, вечно недовольную физиономию, взирал на нас с видом разочарованного родителя.

— Какого хрена? — выразил общее мнение басист Зверь, известный в миру как Витя.

Прозвище полностью отражало натуру: Витёк был дик и необуздан как на сцене, так и в жизни, и весьма скор на расправу. Когда он пребывал в раздражённом состоянии, то лишний раз драконить Зверя не рисковала даже я.

— Ранняя пташка съела червячка, — наставительно поднял вверх палец Жаба.

Он вообще любил цитировать всякие пословицы и народные мудрости. То ли считал, что так выглядит солидней, то ли свои мысли были в дефиците.

— Ага, зато еще более раннего червячка сожрали, — напомнила я о другой стороне медали.

Нога затекла, спина болела, а всё почему? Потому что спать надо в кровати, а не развалившись в дрянном кресле захудалого гостиничного номера. Жаба опять решил сэкономить и снял для нас один номер на пятерых. С одной стороны, цена, которую запрашивали за эту халупу, была явно завышена, и тратить лишние деньги никто не хотел. С другой, всех уже изрядно достали эти подростковые ночёвки в спальниках. Единственная кровать, которую ребята честно мне уступили, так воняла дешёвым кондиционером для белья, что после моего отказа занять её рискнул только Витя. И, судя по недовольной роже и почёсываниям, он уже жалел о вчерашнем решении.

— А ты вообще не умничай, — Жаба с готовностью переключился на меня, — Вместо того, чтобы тусоваться тут с этими бухающими обалдуями, лучше бы сходила в SPA-салон, привела себя в порядок. Мне твою рожу ещё продавать, между прочим.

— Не надо меня продавать, — возмутилась я, — Ни в расчленённом виде, ни целиком.

— Да кто тебя такую купит, — горестно отмахнулся продюсер, — Хоть бы сиськи нарастила, чтоб публике было на что посмотреть. Я и операцию оплачу, — с надеждой завёл старую пластинку Михалыч, за что был немедленно послан в давно известном и хорошо изученном направлении.

— Да что ты к ней пристал-то? — подал голос Юрка Чарский, наш неформальный лидер, соло-гитара, бэк-вокал, а также “глас народа” по бытовым и денежным вопросам. А по совместительству — чемпион по поглощению алкоголя.

Его тощая, покрытая татуировками рука, похожая на паучью лапу, высунулась из-под разложенного на полу спальника, вмещавшего Чарского и, судя по стеклянному дребезжанию, его опохмелку. Рука сдвинула край спальника, явив миру помятую физию Юрика.

— Ты, Михалыч, с попсой переобщался, — Чарский встал и, не обращая внимания на Жабу, подошёл к зеркалу.

— Ну и рожа... — Юрка брезгливо скривился, глядя на своё отражение, — Так вот, Михалыч, мы — рокеры, можно сказать, последние из могикан уходящей эпохи настоящей рок-музыки. А ты хочешь, чтобы у нас со сцены вместо текста сиськи из декольте выпрыгивали. Давай уж

определяйся, что тебе нужно: рок или стриптиз...

— Одно другому не мешает, — сварливо ответил Жаба, но вопрос хирургического вмешательства в творческий путь группы отложил до лучших времён.

— Хорошо, — Чарский брякнулся на пол рядом с моим креслом и недовольно воззрился на Жабу. — Переходим к следующему вопросу: какого рожна ты нас поднял в такую рань? Мы, бляха-муха, вчера на этом корпоративе грёбаном до двух ночи лабали, потом квасили, а ты оклематься спокойно не даёшь! Мы такими темпами ласты склеить можем, дядя! Будешь себе новых питомцев искать, — недобро предрёк Юрка. — Короче, если не концерт какой — делов сегодня не будет. У нас вон башки с бодунца трещат так, что на улице слышно. Вить, пихни Гарика, а то всю движуху проспип!

— Я не сплю, — не открывая глаз, отозвался ударник. — Просто чего зря воздух сотрясать? Михалыч, Юра дело говорит. Ты лучше бабки отсчитай, что нам причитаются, и дай оклематься. Лично я вообще вставать минимум до обеда не намерен.

— Всё вам деньги подавай, — при мысли, что надо отдать кому-то денег, у Жабы разом начинали болеть сердце, печень и давно зарубцевавшаяся язва. — И думать не хотите, как их заработать. Я кручусь, как пчела, договариваюсь, ищу для вас интересные предложения, а вы... — Михалыч тяжело вздохнул и обречённо махнул рукой.

— А мы, — согласно закивал Чарский, — гады-сволочи-паскуды, ага. Михалыч, ты это, говори, да не заговаривайся, лады? Ты на нас бабло рублишь, как Карабас, мать его, Барабас, так что не изображай благодетеля при тунеядцах, ага?

Тут Юрка сильно преувеличил. Записанный на дешёвой аппаратуре альбом продавался, мягко говоря, плохо, только среди городских поклонников группы, а основной заработок мы получали с живых выступлений на корпоративах, свадьбах и прочих местных мероприятиях. Ясное дело, отмечающей публике наше творчество было как-то по барабану, но с живой музыкой у нас в захолустье дефицит, а выпендриться хочется всем. Вот и кочевали мы с юбилея Фиделя Рачиковича на свадьбу Асгхал Епрекян, а потом мчались на корпоратив ООО “Рога и копыта”. Спросом мы пользовались в основном как кавер-группа, исполняющая старые хиты, перешедшие в разряд общественного достояния и не охраняемые авторскими правами. Но и песни нашего сочинения имели успех у публики. Правда исполняли мы их в основном во второй половине вечера, когда набравшаяся до полного изумления публика уже плевать хотела, что слушать и под что танцевать. Душу отводили на местечковых концертах, но сборов с таких хватало аккурат на дорогу, жратву и скромное празднество, а кушать хотелось каждый день.

Собственно, если бы мы в лихой час не встретились с предприимчивым Михалычем, не видать бы нам и того. Как водится у большинства музыкантов, творчество мы плохо совмещали с предпринимательством. Не было в нас деловой хватки или торговой жилки, так что Михалыч стал для нас хоть и сомнительным, но спасением. Да и мы для него тоже: в наш век растущей безработицы бывший работник городского дома культуры не мог рассчитывать на нормальную должность. А тут он набрал себе четыре коллектива разной музыкальной направленности и вовсю крутился, обеспечивая нас работой, а себя — процентами. Так мы и жили, без особой любви, но с чётким осознанием взаимной необходимости. И ведь, что самое обидное, мы хорошо играем, вот только раскрутка в теле и радиоэфире стоила столько, что надежды выбиться в люди таяли с каждым днём.

— Мы своё отработали полностью, — продолжал тем временем Чарский, — так что будь добр —

деньги на бочку, и прекрати строить из себя ограбленного одесского еврея.

Конец пламенного спича был малость подпорчен смачным зевком Гарика и оглушительным храпом Страуса — клавишника и последнего члена группы. Удивительное дело, я ясно помню, что в самом начале разговора Страус не спал.

— Да ладно, чего ты завёлся, — тут же пошёл на попятный Жаба, — Я ж пришёл с уникальным предложением. Шанс получить многомиллионную аудиторию со следующим записанным альбомом.

Надо сказать, что эти слова заставили всех проснуться. Даже Страус, спешно поднятый пинком Вити, завертел головой, изображая внимание.

— Ну, не томи, — утомлённая затянувшейся мхатовской паузой поторопила я Михалыча.

— Знаете, где в основном зависает молодёжь, слушающая рок? — продолжил накручивать интригу Михалыч.

— Да ты задрал уже со своими шарадами! — оглушительно хлопнул рукой по столу Витя, с бодуна пребывавший в особенно скверном расположении духа. От этого звука подпрыгнули все, начиная от Жабы и заканчивая окончательно проснувшимся Страусом, — Чё ты там удумал, упырь?!

Михалыч поморщился, но с Витиными манерами он давно смирился.

— В Барлионе они зависают, мой нетерпеливый друг. Как и пара миллиардов наших сограждан.

— В игрухе-то? И чё?

— А то, что они — ваша целевая аудитория и есть. Вы о чём поёте? Эпохальные битвы, мечи, магия, герои, короли, войны... Всё это там. И народ играет в поисках средневековой романтики.

— Идею мы уловили, — согласился Чарский, — Что предлагаешь? Писать про Барлиону?

— Вот именно! — просиял Жаба, — Посмотрите на “Нубяр” с их хитами “Три оркины под окном жрали гнома вечером” и “Маменькины донатеры”! Или эти, как их... А! “Потомки тарантулов” с их “Именем Ялининки”. Хрен его знает, что всё это значит, но народ слушает! Они неделями на вершинах хит-парадов висят.

— Как ты только что верно заметил, мы будем далеко не первыми, кто пишет песни по играм. В чём фишка?

— Ну ты сам говорил, что вы таланты, — напомнил Михалыч, — Запишете пару хитов, и о вас заговорят. Причём, заметь, без всякой дорогостоящей раскрутки на ТВ и радио.

— Не, ну я так-то не против, — подал голос Страус, — Сам в Барлиону играю, без проблем так-то.

— Кирка, ты ж вроде тоже геймер, — повернулся ко мне Чарский.

Моё имя он исковеркал в первый же день знакомства, поставив ударение на последний слог и превратив его в прозвище.

— Я больше по олдскулу всякому, — на всякий случай напомнила я. — Настолки, старые синглы, казуальные небольшие онлайн миры. В Барлионе ни в зуб ногой. С моими заработками я ежемесячную оплату аккаунта и покупку фирменной капсулы не тяну. Но если накладные расходы оплатят — я только за.

— А чё? Идейка-то неплохая, — поддержал Зверь, — Шанс хорошо продвинуться.

Гарик только молча кивнул, традиционно соглашаясь с мнением большинства.

— Резон в том есть, — подвёл итог Чарский, — С одной стороны, неохота становиться конъюнктурщиком, а с другой... Один фиг, о том примерно и пишем. Ну будет у нас не абстрактное королевство, а, скажем... — он покосился на Страуса, как на самого опытного геймера в компании.

— Малабар. Или Картос. Не, Картос даже круче. Брутальней. Оборотни там, нежить всякая.

— А что, Михалыч, мы жрать будем, пока в игре зависаем? Пока освоимся, пока чего напишем. А ещё надо на репетиции успевать, да и другие дела есть.

Тут я слукавила — никаких других вменяемых занятий у меня не было, но грех не раскрутить прижимистого продюсера, пока есть такая возможность.

— Ага, и капсулы ребятам прикупить надо, — напомнил Страус, — И аккаунты оплатить. Тоже не самое дешёвое удовольствие.

Группа согласно закивала, и Жаба нехотя протянул:

— Ладно, придумаю что-нибудь. Спонсоров каких найду. Всё же Барлиона — всемирный бренд, под это дело могут и раскошелиться. А теперь харе дрыхнуть, бегом приводите дела в порядок, и чтобы из капсул вылезали только на репетиции! Давайте, соколики мои перегарные, пошли-пошли, — и он захлопал в ладоши в излюбленной своей манере.

— Куда пошли? — осадил командирские порывы Жабы Чарский, — Тебе, блин, на каком языке сказать, что на сегодня мы пас?

Михалыч критически оглядел наши физиономии и махнул рукой.

— А, чёрт с вами, деятели культуры... — и полез в карман своего модного сюртука, делавшего продюсера похожим на Чичикова, каким его изображали на иллюстрациях в учебнике.

— Только, чур, не набираться, — предупредил он, рассчитываясь с нами.

— Ты нас с панками спутал, — успокоил его Чарский.

***

Репетировали мы традиционно, в старом гараже, принадлежащем семье Страуса. На нашем фоне Страус вообще был изрядным мажором, но от коллектива не отрывался и всегда мог подкинуть денег в трудную минуту, так что за неподобающее творческому человеку благосостояние мы его не упрекали. Сегодня вместо репетиции обсуждали план действий на ближайший месяц. Новенькие игровые капсулы, неизвестно где и как добытые Жабой, уже были установлены у нас в квартирах. Михалыч сквозь слёзы оплатил игровые аккаунты, и теперь дело оставалось за малым — понять, что со всем этим делать.

— Своего перса я не удалю, даже не просите, — сразу огласил свою позицию Страус. — Так что играть будем за Картос, я туда на прошлой неделе персонажа перевёл.

— Ну тогда ты, как самый опытный, говори кем и где нам создаваться, — предложил Чарский.

— Я за гоблина гоняю, — сообщил Страус, игнорируя посыпавшиеся тут же подколки типа “да ты и по жизни гоблин, братан”, — так что вам лучше начинать за эту расу. Ближе стартанёте — группой качаться легче.

— Погоди, — встряла я в этот гладкий план действий, — Мы туда зачем идём? За новыми впечатлениями, за вдохновением. А какие новые впечатления, если я тут ваши рожи постоянно лицезрею, и там от них не скрыться? И видеть будем одно и то же, а значит, мысли будут течь примерно в одном направлении. Нет, предлагаю создаться за разные расы, проникнуться местной атмосферой, подкачаться, а потом уже собраться вместе. А на репетициях будем делиться впечатлениями, искать новые темы.

— Кирка дело говорит, — одобрил Чарский, открывая гайд по расам Барлионы, — Гоблины уже заняты, так что выбираем из оставшихся вариантов.

Витя сразу застолбил себе красного орка, Чарский остановился на дроу. Гарик долго метался между тауреном и троллем. В итоге плюнув, подбросил монетку, и выбор судьбы пал на рогатых картосцев.

— А мне нравятся сильвари, — заявила я, глядя на расу человекоподобных растений.

— Они ж хардкорные, — сверившись с гайдом, напомнил Страус.

— Только сильвари, только хардкор! Не осилю — всегда могу удалить персонаж и создать нового. Впечатления-то никуда не денутся.

— Ну, как знаешь, — равнодушно пожал плечами Чарский, — Раз всё обговорили, пора по домам, начинать игру.

<http://tl.rulate.ru/book/13675/264505>